

Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов (Нижний Новгород)

**ЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОРНЫХ
ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ**

Увеличение уровня информатизации нашего общества, расширение массива печатной и электронной продукции приводят к количественному росту и значительному содержательному и структурному усложнению спорных и конфликтогенных текстов. Все это предъявляет новые требования к лингвистическому экспертному исследованию.

Современные технологии производства лингвистической экспертизы отличаются активным внедрением новейших идей и принципов современной науки о языке, в частности, методов логического и прагматического анализа языка. В предыдущих исследованиях мы показали, как указанные методы применяются в квалификации разнообразных речевых актов деликта (языковых правонарушений),

в разграничении утверждения и мнения, а также актов добросовестного заблуждения и недобросовестного информирования и пр. [3, с. 286–290].

Методы логического и прагматического анализа обнаруживают свою особую эффективность в случаях, когда на разрешение эксперта-лингвиста ставятся вопросы, ответ на которые не вытекает прямым и непосредственным образом из того, что написано в спорном тексте. Речь идет о возможности выявления имплицитной, т. е. словесно не выраженной информации в тексте, которая, несмотря на отсутствие прямой вербализации, может быть установлена с достаточной степенью полноты и недвусмысленности. Эти способы основаны на актуальных идеях и принципах современной теории речевых актов и логического анализа естественного языка.

Теория речевых актов, создателями которой считаются Дж. Остин и Дж. Р. Серль [1; 4], в последнее время все активнее входит в научный обиход исследователей в сфере судебного речеведения. Объединив основные методы теории речевых актов с современными принципами постклассического логического анализа естественного языка [2], мы имеем достаточно надежный научный аппарат для выявления разнообразных сведений, которые не выражены в тексте прямо, но, в соответствии с авторским замыслом, должны быть выведены читателем путем нестрогих импликаций (умозаключений). Это позволяет авторам, с одной стороны, выразить нужную мысль, а с другой – отвести от себя возможные обвинения в речевых действиях, могущих попасть в сферу применимости уголовного, административного или гражданского законодательства.

Мы остановимся на двух, на наш взгляд, базовых видах имплицитной информации в тексте, во многом противоположных друг другу, хотя и имеющих сходный психолингвистический механизм функционирования в восприятии адресата текста, – это **пресуппозиции** и **инференции**.

Пресуппозиция представляет собой невербализованное, т. е. не высказанное прямо суждение, которое полагается «по умолчанию» как общеизвестное или безусловно истинное, выступающее основным условием осмысленности всего высказывания, т. е. своего рода «базой» для его понимания. Например, в высказывании: «Его недостатки меня шокируют» – скрыта пресуппозиция «он имеет недостатки». Особенность пресуппозиции заключается в том, что она должна быть обя-

зательно истинной, чтобы все высказывание имело смысл, а выражение истинности – это один из признаков утверждения. Пресуппозиция – это условие истинности высказывания. Иначе говоря, именно пресуппозиция отвечает за то, чтобы высказывание имело смысл. Пресуппозиция есть истина «по умолчанию».

Пресуппозиция очень легко верифицируется с помощью «теста на отрицание» – она не отрицается при общем отрицании содержания высказывания (ср. в нашем примере – при переделке в отрицательную конструкцию: «Его недостатки меня НЕ шокируют» – пресуппозиция ‘он имеет недостатки’ все равно сохраняется).

Инференция представляет собой, в отличие от пресуппозиции, так называемое «выводное знание», знание, которое вообще не содержится в семантике слов и выражений, составляющих высказывание. Это информация, которую адресат сообщения должен, по замыслу его автора, самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на контекст, на ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире, а также на постулаты общения (неявные конвенции, принятые по умолчанию в любом социуме при использовании речевой коммуникации). Так, например, женщина, говорящая в ссоре со своим мужем что-то вроде: «Все мужики – пьяницы!», рассчитывает на инференцию, в соответствии с которой муж воспримет это не как обобщающее суждение, не касающееся его лично, а как обращенную персонально к нему инвективу.

Инференция верифицируется не так прозрачно, как пресуппозиция, однако все же она выявляется при обращении к обстановке речи, к контексту, т. е. к экстралингвистической информации, посредством здравого смысла и простейших умозаключений: ведь суть ее как раз и состоит в том, чтобы читатель ее сам понял и сам вывел, значит, мы просто должны проделать тот же логический путь вместе с читателем. Простой пример – выражение: «А кто-то у нас сейчас получит!» – в присутствии лица, к которому оно обращено, однозначно реферирует именно к этому лицу, хотя его имя не названо и о нем вообще упоминается в третьем лице.

Пресуппозиции и инференции, с одной стороны, обязательно присутствуют в каждом тексте, и ими можно манипулировать, т. е. сознательно эксплуатировать их такое важное для коммуникации свойство, как неосознанность восприятия, невозможность рефлексирования слушающим, в отличие от прямых доводов или аргументов к разуму.

Пресуппозиции и инференции, с другой стороны, – это «полноценные суждения» в том плане, что, как и обычное суждение, они суть такие же носители и выразители информации, в том числе негативной, агрессивной, манипулятивной, недобросовестной, клеветнической и т. п.

При условии доказанного и аргументированного выявления указанных видов имплицитной информации они могут характеризоваться как скрытые, т. е. косвенные утверждения, которые, согласно существующей практике, в отличие от мнений или оценочных суждений, уже вполне подлежат юридической квалификации.

Негативная информация, содержащаяся в **пресуппозиции**, может вводиться в стандартной форме утверждения. Так, в одном из электронных изданий вышел материал, направленный против журналистов правозащитно-либеральной ориентации. Один из подзаголовков гласил: *Журналисты-предатели должны быть наказаны*. В пресуппозицию опущено суждение '(вышеупомянутые) журналисты являются предателями'. Смысл приема состоит в том, что если бы это было выражено в форме прямого суждения, то понадобились бы доказательства и аргументы для этого тезиса. Информация в пресуппозиция является верной, истинной, так сказать, по определению и не нуждается в верификации.

Часто такая информация вводится в форме косвенного речевого акта, например, риторического вопроса, чтобы усилить воздействие на эмоциональную сферу читателя. Так, об одном из вышеуказанных журналистов написано: «Кто из нас может представить, что **нормальный, добропорядочный человек** будет разговаривать с выродками, крушащими все на своем пути?». Пресуппозицию данного вопроса можно сформулировать следующим образом: 'имеющийся в виду субъект (названный по имени в предыдущем фрагменте) не является нормальным, добропорядочным человеком'.

Негативная информация, содержащаяся в **инференции**, вводится за счет апелляции к культурному фонду и экстралингвистическим знаниям читателя. Так, в газетной статье, критикующей сторонников одного из представителей власти Нижнего Новгорода, написано: *Вся эта шатия и устроила в городе театр марионеток имени Карабаса Барабаса*. Использование автором негативной метафоры «театр марионеток имени Карабаса Барабаса», с опорой на фоновые культурные знания читательской аудитории, трактует указанные события как управляемые чьей-то недоброй волей, а самих участников представля-

ет как безвольных «марионеток» в чужих руках. С другой стороны, использование известного образа Карабаса Барабаса явно эксплуатирует негативно-оценочный коннотативный фон, стоящий за этим прецедентным именем для любого, кто знаком с произведением А. Н. Толстого. Негативную инференцию усиливает использование просторечной экспрессивной лексики «шатия».

Выведение в план инференции референта, который прямо не назван, но подразумевается из контекста, является очень распространенным приемом имплицитной передачи негативной информации. Так, в одной из газетных статей про главного героя Х., претендента на высокий пост во властных структурах нашего города, не называя его, автор пишет примерно следующее: *Нет резервов на метод проб и ошибок, не осталось поля для маневра, когда ставка делалась бы на дилетанта, который начнет принимать «простые» решения, рванет вперед с шашкой наголо.* В данном контексте прямо не указывается, что под словом «дилетант» имеется в виду именно Х., но весь контекст статьи подводит читателя к мысли, что это Х. охарактеризован как дилетант. Нетрудно заметить, что данная инференция содержит информацию, негативно характеризующую деловые и профессиональные качества указанного лица, при этом голословно, потому что в тексте статьи не приводится аргументация этого тезиса.

Важной проблемой является не только методика извлечения из текста имплицитной информации, но и правильная ее квалификация в плане разграничения **утверждения** и **мнения** как двух базовых форм передачи информации о мире. Дело в том, что, согласно сложившимся нормам правоприменения, юридической ответственности подлежат лишь утверждения, тогда как мнения выходят за рамки таковой в силу их субъективно-модального характера. Право выражать мнение закреплено за гражданами России законодательно.

Исходя из этого, презуппозиция – это всегда утверждение, пусть и имплицитное, словесно не выраженное, потому что это – условие истинности всего суждения, та основа, на которую опирается формирование мысли, ее оформление в форму суждения. Напротив, инференция как знание выводное, пусть даже и навязанное адресату, не принадлежит говорящему – и в этом случае не верифицируется. Она имеет все признаки чужой точки зрения (в нашем случае – адресата), и потому от инференции легко откеститься: я этого не говорил, я не это имел в виду, это вы сами сделали такой вывод.

Именно возможности голословного ввода некой информации при отсутствии санкций за бездоказательное суждение (каковые были бы возможны в случае появления этой информации в форме прямых утверждений) привлекают авторов в СМИ и политическом дискурсе к таким формам подачи имплицитной информации, как пресуппозиции или инференции, которые довольно часто используются в качестве языковых средств для «черного пиара», недобросовестной или недостоверной рекламы и других типов «речевого мошенничества», т. е. использования средств языкового манипулирования сознанием.

1. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–129.

2. Падучева, Е. В. Семантика, прагматика, референция / Е. В. Падучева // Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 221–257.

3. Радбиль, Т. Б. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1–1. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – С. 286–290.

4. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151–169.